

формата,⁶⁶ объема,⁶⁷ в тексте выходных сведений и инципиров,⁶⁸ в сведениях о декоративном оформлении изданий,⁶⁹ в упоминании об их отличительных чертах.⁷⁰ Не исключено, что причину упомянутых недочетов следует видеть в недостаточном внимании составительницы к изучаемому материалу, но в том, что все они остались в книге и по завершении ее подготовки к печати, несомненную роль сыграла работа над книгой в издательстве «Пашков дом».⁷¹

Работали ли в издательстве с «Указателем орнаментики и иллюстраций», наличие которого в каталоге можно было бы только приветствовать, сказать трудно. Однако и он поражает редким своеобразием, причем его оригинальность заключается даже не только в том, что среди заставок в нем можно найти наборный орнамент («рис. 72», «рис. 73») или что иногда концовки рассматриваются в нем в качестве заставок («рис. 74») и наобо-

мало старообрядческой традиции (№ 313, 424) или простой Псалтири как Псалтири с воследованием (№ 429).

⁶⁶ Так, формат клинцовских Канонов за единоумершего и умерших (№ 176) показан как 12-я доля листа, хотя на самом деле книга была напечатана в 8-ю долю листа.

⁶⁷ Неверный объем изданий указывает всячески часто (см.: № 3, 13—15, 19, 21, 22 и др.).

⁶⁸ Неверная разбивка текста выходных сведений на строки обнаруживается уже в 1-м из описаний изданий, находящихся в каталоге.

⁶⁹ Ср., например, описание орнаментики изданий у Е. А. Емельяновой (№ 7, 10, 13, 14) и у И. В. Починской (№ 6, 11, 7, 8). Мои сведения об этих изданиях совпадают с теми, которые приводит И. В. Починская.

⁷⁰ Порою указания на особенности издания представляют собою настоящую загадку, как например такое замечание: «гравюра может быть вклеена в разных местах» (№ 419).

⁷¹ Судить об этом отчасти можно по тому, что среди лиц, ответственных за издание книги, невозможно обнаружить корректора.

рот («рис. 406»), но и в том, что заставки, предназначенные для книг разных форматов и имеющие, естественно, неодинаковые размеры, подверглись в нем своего рода усреднению, для чего одни были уменьшены, а другие увеличены. Зачем это было сделано, понять невозможно, как, впрочем, и то, для чего в альбом попали изображения инициалов, если составительница не стала отмечать их наличия в тех или иных изданиях.

Таким образом, главным чувством, которое появляется при рассмотрении каталога Е. А. Емельяновой, к сожалению, оказывается чувство недоумения, хотя необычность каталога, кажется, становится более понятной, если принять во внимание одно из заявлений составительницы, которое она делает в другой публикации с целью разъяснения, почему в унификации описаний изданий в библиографических указателях, с ее точки зрения, нет никакой необходимости. В ней Е. А. Емельянова попутно говорит и о своем понимании смысла научной работы. «Все, кто занимается историей старопечатной книги, — замечает она, — знают, насколько неповторима каждая из них, но ведь столь же уникален и специалист, имеющий свое, особое видение исторического материала, включенного в каталог. На наш взгляд, при таком подходе к подаче материала только обогащается представленная информация, расширяется круг вопросов, возникающих при работе с кириллической книгой, что заставляет искать на них ответы. В этом-то и заключается развитие современной науки».⁷²

Нужно думать, присущее Е. А. Емельяновой «особое видение исторического материала» проявилось в рассматриваемом каталоге в полной мере. Жаль только, что из-за этого он стал мало пригоден для того, для чего предназначался, а именно для работы со старообрядческими изданиями конца XVIII—начала XIX века.

⁷² Емельянова Е. А. Научные каталоги книг кириллической печати, подготовленные Археографической лабораторией МГУ. С. 257—258.

© Г. В. Петрова

«...АРОМАТ ОДАРЕННОЙ, ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ТОНКОЙ ДУШИ...»*

В 2008 году свет увидела первая книга 103-го тома «Литературного наследства» — «А. А. Фет и его литературное окружение»,

* Литературное наследство. Т. 103: В 2 кн. Кн. 2: А. А. Фет и его литературное окружение / Отв. ред. [Т. Г. Денисман]. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 1040 с.

а вышедшая в 2011-м вторая книга тома завершила собой уникальный проект по изданию значительной части эпистолярного наследия замечательного русского поэта Афанасия Фета, осуществленный под руководством Т. Г. Денисман.

Работа над этим проектом велась полтора десятилетия, но он не потерял актуально-

сти, а результат полностью оправдал ожидания. Впервые «Литературное наследство» ставит в центр читательского внимания судьбу поэта, чье творчество долгое время считалось не выходящим за пределы «чистого искусства», весьма ограниченным по объему и значению. Таким образом, данное издание восполняет серьезный пробел в представлении о роли Фета в литературной жизни второй половины XIX века и задает новый ракурс прочтения его творческой биографии.

Если материалы первой книги освещали по преимуществу литературную судьбу Фета 1840—1860-х годов (исключение здесь составляла лишь переписка с Я. П. Полонским, выходящая за обозначенные хронологические пределы), то вторая книга концентрирует внимание читателя на зрелом периоде биографии поэта: это 1870-е—начало 1890-х годов.

Структура второй книги трехчастна. Первый раздел составили неизданные письма Фета к Л. Н. Толстому и его переписка с С. А. Толстой, второй — переписка Фета с Н. Н. Страховым, наконец, последний, третий раздел представляет переписку Фета с поэтом, известным в литературе под псевдонимом «К. Р.», великим князем Константином Константиновичем. Общая задача 103-го тома «Литературного наследства» — показать Фета активным участником литературного процесса второй половины XIX века — решена блестяще. Публикации же, составившие вторую книгу этого тома, полностью развенчивают миф о Фете как полузабытом поэте-отшельнике и в корне меняют наше представление о его творческом пути в 1870-х—начале 1890-х годов. Из переписки поэта с Толстыми, Страховым и К. Р. явственно следует, что многие литературные события 1870—1880-х годов происходили при прямом участии и посредничестве Фета. Например, весьма значима его роль в истории постановки пьесы Толстого «Плоды просвещения» в 1891 году под руководством К. С. Станиславского в драматическом кружке Общества искусства и литературы (об этом см. с. 194—196). Судьба отдельных проектов князя Д. Н. Цертелева в бытность его руководителем журнала «Русское обозрение» (1890—1898) также связана с именем Фета. Эти примеры можно было бы продолжить.

О том, что настоящее издание писем Фета и его корреспондентов подготовлено на высоком научном уровне, говорить излишне. Вторая книга следует тем же профессиональным традициям и высоким образцам, которые отличают и предшествующие тома «Литературного наследства». Принципы подачи публикуемых текстов, объем комментариев, вступительные статьи к разделам глубоко продуманы, грамотны и полновесны. 103-й том в целом открывает новые издательские и исследовательские перспективы, связанные с творческим наследием Фета и его современников.

На отдельных же моментах предложенных публикаций хочется остановиться более подробно. Как мы уже сказали, вторая книга начинается с раздела, представляющего публикацию писем Фета к Толстому и его переписку с Толстой. Предваряет этот двучастный эпистолярный комплекс статья Л. М. Розенблюм «Очарованный замок Ясной Поляны». Автор статьи обозначает основные вехи многолетнего общения Фета с яснополянцами, Л. Н. и С. А. Толстыми, дает очень точную эмоциональную оценку взаимоотношениям Толстого и Фета в 1870—1880-е годы, в период их внутренней полемики, обернувшейся духовным отчуждением. Так, Розенблюм пишет: «Фет дорожит общением с Толстым, ждет его мнений по всем вопросам: философским, эстетическим, политическим, житейским»; «Иногда он (Фет. — Г. П.) чувствует тревожные настроения Толстого, но не воспринимает их как следствие радикальных перемен» (с. 6); «С глубокой болью Фет ощущает нарастающее охлаждение Толстого к нему, отсутствие прежнего интереса...» (с. 7); «Новое мировоззрение (Толстого. — Г. П.) не только неприемлемо для Фета, — оно непонятно ему...» (с. 8). Правда, в этой последней фразе, на наш взгляд, акценты должны быть расставлены иначе: новое мировоззрение Толстого было не столько непонятно Фету, сколько неприемлемо для него как поэта. Это подтверждается и его признаниями из письма к Толстой 1891 года: «...никто так ясно не понимает стремления Льва Николаевича, как я. Это несколько не хвастовство; ибо я ощущаю себя с ним единым двуглавым орлом, у которого на сердце эмблема борьбы со злом в виде Георгия с драконом, с тою разницей, что головы, смотрящие врозь, противоположно понимают служение этой идее; и голова Льва Николаевича держит в своей лапе флягу с елеем, а моя лапа держит жезл Ааронов — нашу родную палку» (с. 218). Благодаря сказанному читатель не только воспринимает Ясную Поляну как один из центров художественной жизни эпохи, «обитель русского и мирового гения, символ гармонического слияния красоты природы и духовной культуры» (с. 18), но и убеждается, что Фет во внутренней жизни этого центра занимал важное место.

Одним из интереснейших моментов статьи Розенблюм считаем обращение к характеристике отношения Фета к творчеству Достоевского (см. с. 9—12). Эта тема до сих пор находится вне поля зрения исследователей, а между тем в историко-литературной перспективе традиции Фета и Достоевского будут восприниматься как соприкасающиеся.

К сожалению, переписка Фета с Толстым, представленная в 103-м томе, является лишь частью сохранившегося эпистолярного диалога двух гениев русской художественной мысли. Большая часть этой переписки была в свое время опубликована С. А. Розановой в книге «Л. Н. Толстой. Переписка с русскими

писателями», выдержавшей два издания (1972 и 1978 годов). Во второе издание вошло 116 из 160 сохранившихся писем Толстого и 87 из сохранившихся 140 писем Фета. Публикуя оставшиеся неизвестными широкому кругу читателей 53 письма Фета, редакция «Литературного наследства» восполнила значительную лауну, однако подобное решение нельзя не признать компромиссным. Следуя принципу печатать только неопубликованные материалы, редколлегия включила в состав тома лишь неизвестную часть писем Фета. Читателю, желающему ознакомиться в полном объеме с перепиской Фета с Толстым, придется пользоваться тремя источниками, к тому же весьма разнородными по уровню текстологической и комментаторской работы: упомянутым изданием Розановой, Полным собранием сочинений и писем Л. Н. Толстого и второй книгой 103 тома «Литературного наследства». Остается лишь радоваться, что, в определенном смысле нарушая свой собственный принцип, редакция «Литературного наследства» полностью опубликовала переписку Фета с К. Р., значительная часть которой вошла в свое время в издание «К. Р. Избранная переписка».¹

Сама публикация писем Фета к Толстому за период с 1859 по 1881 год отражает сущность постепенно намечающихся эстетических и социально-исторических разногласий между ними, которые могут восприниматься не как частный спор двух русских художников, а как явление знаковое для сложной, деинтегрированной интеллектуальной жизни конца XIX века, ее духовных поисков. До сих пор мы в большей степени представляли себе позицию Толстого, по-своему откликнувшегося на кризис слова как фундамента общественного и индивидуального сознания. Публикуемые же письма заслуженно сосредоточивают наше внимание на позиции Фета, который предлагал свой путь преодоления этого кризиса, ища новых творческих потенциалов художественного слова и образа. «Новые» письма Фета к Толстому значимы еще и тем, что более рельефно очерчивают оригинальную и бескомпромиссную социально-историческую мысль Фета, всегда творчески парадоксально оформленную и основанную на глубоком понимании специфики русской жизни.

Настоящим открытием для читателя станут представленные в настоящем издании 117 писем Фета и Толстой, подготовленные к публикации О. А. Голиненко. В небольшой преамбуле к публикации отмечается: «Переписка Фета с С. А. Толстой, начавшись с незначительных записок, связанных со случайными эпизодами повседневной жизни, постепенно приобретала все более дружеский, доверительный характер, а с 1880-х гг. — со времени серьезного расхождения Фета с Тол-

стым, — стала важнейшим звеном, связывающим его с Ясной Поляной» (с. 95). По преимуществу именно в свете отношений Фета и Толстого и комментируется данная переписка. Думается, такой подход оправдан лишь частично. Нам более близка оказывается мысль Розенблюм: «Первое и главное впечатление, которое производят многочисленные письма Фета к Софье Андреевне: — это письма *поэта*. И не только потому, что в них есть стихотворения, ей посвященные, но прежде всего потому, что в письмах, выражаясь слогом Фета, он тоже ее воспекает, и сами письма во многом — произведения поэтические» (с. 13). Думается, переписка Фета и Толстой вполне может рассматриваться как автономное явление, имеющее самостоятельное художественное значение. В этом смысле она как бы превосходит принципы эпистолярного творчества поэтов-модернистов: А. Блока, Андрея Белого, Н. Клюева и др. Это же можно сказать и относительно переписки Фета с К. Р., в пределах которой два поэта, учитель и его ученик, становятся как бы героями отдельного художественного сюжета, что подтверждается контрастным сопоставлением писем К. Р. и его дневниковых записей, принятых Ю. П. Благовоиной и М. И. Трепалиной. Вообще введение в комментарий к письмам К. Р. неопубликованных материалов из его дневника и записных книжек — удачный ход авторов публикации.

Возвращаясь к переписке Фета с яснополянцами, заметим, что ряд высказанных публикаторами соображений вызывает сомнения. Так, невозможно согласиться с мыслью Розенблюм, которая, комментируя ответ Фета на вопрос анкеты, предложенной ему Т. Л. Толстой: «„Были ли Вы влюблены и сколько раз?“ (ответ Фета): „Два раза“, категорично заявляет: «Трудно сомневаться, что эти две влюбленности Фета — Мария Лазич и Софья Андреевна Толстая» (с. 14). Вообще интерпретация подобного рода откровений того или иного поэта может быть только гадательной, а потому всегда будет сомнительной. Тем более следует быть осторожным, когда речь идет о выдающихся писателях, чьи имена и без того обросли и продолжают обрастать всевозможными догадками и мифами. При этом, как нам показалось, в ряде примечаний авторы могли бы и более широко охватить социально-исторический, литературно-эстетический и бытовой контекст комментируемого факта, явления или высказывания. В примечании 5 к письму 47 (Фет — Л. Н. Толстому от 31 января 1880 года), поясняя ироническое замечание Фета: «А Московские земские мудрецы придумали ученых инструкторов учить мужиков рациональному хозяйству на почве общинного владения» (с. 85), публикаторы пишут: «Вопрос об общинном владении землей представлялся Фету одной из важнейших и трудноразрешимых проблем пореформенной России. Этой проблеме посвящена его статья „Общинное

¹ К. Р. Избранная переписка / Сост. Л. И. Кузьмина. СПб., 1999.

владение» (ноябрь 1879 г.); Фет придавал ей большое значение (...) однако по каким-то причинам не напечатал ее» (с. 86). Далекое лишним было бы здесь указание на то, что проблема общинного землевладения в России 1860—1880-х годов получила масштабное теоретическое обоснование в публицистике: например, работы К. Д. Кавелина «Общинное землевладение» (СПб., 1876); Г. Клауса «Общинная собственность и ее юридическая организация» (Вестник Европы, 1870, № 2 и 3); А. М. Евреиновой «По поводу вопроса о праве приобретения земель сельскими обществами в общественную собственность» (М., 1880) и мн. др. Кроме того, в данном случае комментарии требует не столько понятие общинного землевладения, сколько особое явление — «земских инструкторов», порожденное земским либеральным движением конца 1870-х годов. Не говорим уже о том, что статья «Общинное владение» была опубликована Г. Д. Аслановой в одном из «Фетовских сборников», издающихся с 1985 года Курским государственным университетом, а в более полном виде вошла в итоговую статью Фета «На распустье», вышедшую в свет в 1884 году.

То же можно сказать и в связи с комментарием к письму 23 (из переписки Фета и Толстой), где, в примечании 7, приводя сведения о Е. С. Хомутовой, публикаторы по преимуществу обращают внимание лишь на шутиливый характер поэтических посланий Фета к соседке-помещице. На самом деле отношение Фета к Хомутовой, как и к стихам, обращенным к ней, было очень непростым. Ведь не случайно два из четырех «посланий» к ней он включит в состав «Вечерних огней». Считаю, что в данном случае уместно было бы дать хотя бы в общих чертах миниатюрный портрет этой дамы. Екатерина Сергеевна Хомутова (1825—?) происходила из старинного дворянского рода (что для Фета всегда было весьма значимо). Кроме того, поэт был потрясен «жизненным подвигом», совершаемым этой женщиной. Сохранился недатированный черновик письма к ней, в котором Фет признается: «Великий Гете своим Фаустом навсегда утвердил меня во мнении, что подвиг есть великая цель человека на земле. Как не трудно было совершение подвига, но озирается на него человек всегда с чувством исполненного долга, таким подвигом в Вашей жизни я считаю сооружение великолепного храма и неусыпный уход за умирающим братом, не взирая на собственное безболезненное состояние» (РГБ, ф. 315, карт. 4, ед. хр. 45). Попутно укажем, что брат Хомутовой — Александр Сергеевич Хомутов (1827—1890) — личность тоже весьма примечательная. Он оставил интересные записки о введении крестьянской и судебной реформ в Ярославской губернии, опубликовал «Отрывок из воспоминаний» об И. С. Аксакове (Исторический вестник, 1886, т. 25). О брате Хомутовой идет речь в другом письме

Фета от 22 сентября 1886 года: «Глубокоуважаемая Екатерина Сергеевна. Каждый раз, когда я беру листок, вышедший из-под изящной руки Вашей, мне кажется, что я вступаю под белораморный портал Ионического храма. (...) Как передать Вам мое искреннее сожаление о том, что судьба лишила к тому же меня личного знакомства с Александром Сергеевичем, которого прошу сердечно поблагодарить от меня за любезное внимание. Если я чем-либо действительно дорожу в жизни так это знакомством с истинно просвещенными людьми, к разряду которых, судя по брошюре, несомненно, принадлежит Александр Сергеевич» (РГАЛИ, ф. 515, оп. 1, ед. хр. 14). Сама же Хомутова была горячей почитательницей таланта Фета. Поэтому, когда комментаторы связывают ее фразу, переданную Фетом в письме к Толстой от 26 июня 1888 года, о «невещественном памятнике», созданном поэтом, только с его стихотворением «Е. С. Хомутовой при получении от нее букета цветной капусты» (5 мая 1888 года), это выглядит не убедительно. Скорее всего, речь должна идти о преклонении Хомутовой в целом перед поэтическим творчеством Фета, а возможно, и его переводами.

Центральное место в книге занимает публикация переписки Фета с главным литературным советчиком поэта с конца 1870-х годов Н. Н. Страховым, подготовленная Н. П. Генераловой. Несмотря на то, что сохранилась в основном страховская часть (из 225 писем лишь 29 принадлежат Фету), значение этой переписки трудно переоценить. Взяв на себя труд редактирования стихотворений Фета, Страхов на протяжении почти полутора десятилетий внимательно читал каждое вышедшее из-под пера Фета стихотворение и давал советы, которыми поэт, как правило, не пренебрегал. Он же стал фактическим редактором вышедших в 1880-х—начале 1890-х годов четырех выпусков, став даже автором самого заглавия — «Вечерние огни». Таким образом, письма Страхова дают полное представление о творческой лаборатории поэта последнего периода его творчества. Кроме того, в силу близости Страхова к Толстому, с которым у Фета, как уже говорилось, наместились с конца 1870-х годов определенные разногласия, особое значение приобретает в этой переписке тема Толстого. Через Страхова во многом завязались и многочисленные связи Фета с молодым поколением русских философов — Вл. Соловьевым, Н. Я. Гротом, братьями Трубецкими, с критиком Ю. Н. Говорухой-Отроком и др.

Что касается третьего раздела книги — переписки Фета с К. Р., то, как уже было сказано, эта публикация полностью восполняет пробелы, оставшиеся после выхода в свет книги «К. Р. Избранная переписка», а подробная вступительная статья Трепалиной к ней дает обобщенное представление о разносторонних отношениях Фета и К. Р.

Этот эпистолярный комплекс по-новому заставляет отнестись и к так называемому «фетишизму», возникшему в 1880—1890-е годы в литературном процессе. Известно, что в последние годы жизни у Фета установились творческие связи с целым кругом молодых почитателей его таланта, страдавших, по их собственным признаниям, своеобразной фетоманией. И сам Фет испытывал особенный интерес к молодым литературным силам, выразившийся в подчеркнуто бережном отношении не только к К. Р., но и к Вл. Соловьеву, к сыну Я. П. Полонского Александру, в ведении переписки с П. П. Перцовым, Дм. Шестаковым и многими другими. Находящийся на протяжении десятилетий в своеобразной творческой изоляции Фет с радостью воспринял интерес к нему молодого поколения поэтов, критиков, философов и охотно откликнулся на призывы к общению и переписке. Молодые почитатели его поэтического таланта, в том числе и К. Р., выступали в своеобразной роли «литературных племянников», продолжателей его творческих начинаний. Вероятно, поэтому Фет в письмах к ним был предельно откровенен.

Переписка Фета с К. Р. касается самых насущных вопросов как литературной жизни рубежа 1880-х—начала 1890-х годов, так и поэтической практики того времени. В письмах 50, 51 за 1888 год поднимается вопрос о правдоподобию поэзии и психологии творчества, а в письмах 55, 56, 57, 58, 59, 61 обсуждаются вопросы, связанные с перспективами развития русского стихосложения. Нам бы хотелось только заметить, что, возможно, при комментировании отдельных эстетических суждений Фета было бы целесообразно сравнить их с его же размышлениями из других произведений и работ. Так, один из интереснейших диалогов между Фетом и К. Р. возник в связи со стихотворением последнего «Если в сердце могучей волною...». По поводу этого стихотворения Фет писал К. Р.: «Не смотря на безукоризненность формы, стихотворение (...) слабо, тем более, что средневековые мастера, создавая храм Мадонны или Ее образ, могли просить вдохновения у Провидения, но едва ли на это имеет право современный поэт» (с. 670). В примечании к этому суждению публикаторы дают развернутую текстологическую справку к названному стихотворению К. Р. и отмечают: «С мнением Фета по поводу содержания стихотворения К. Р. не согласился» (с. 673). В свою очередь заметим, что в данном случае Фет высказывает важную мысль об историческом развитии искусства, в том числе и искусства слова,

о соотношении средневековой поэзии, в широком смысле, и современной, поэтому не лишним было бы указание на его размышления о принципах средневекового искусства в очерках «Из-за границы», которые в настоящее время изданы в составе четвертого тома «Сочинений и писем» Фета (СПб., 2007).

По ходу знакомства с материалами книги нами были замечены отдельные неточности (так на с. 147 — опечатка в начале текста письма 35, на с. 164 неверно указаны годы жизни С. Н. Толстой и т. д.), но мы тут же должны признать, что они носят случайный характер, не влияющий в целом на восприятие этого 1000-страничного издания. Единственное, что можно было бы порекомендовать авторам, это обобщить текстологические принципы подачи материала, что позволило бы избежать многократно повторяющихся замечаний о датировке и определении места написания того или иного письма.

Подводя некоторые итоги, конечно, мы должны сказать о том, что и читатель, и исследователь найдет в этой книге не только много полезной и интересной информации о жизни и творчестве Фета, но и сможет познакомиться с некоторыми важными подробностями судеб и переживаний его корреспондентов — С. А. Толстой, Н. Н. Страхова, К. Р. Кроме того, книга снабжена богатым иллюстративным материалом, который, помимо текста, глубоко и органично знакомит нас и с «фетовской» эпохой, и с главными героями книги.

Настоящий фундаментальный труд должен быть признан важным событием в истории филологической науки, а материалы 103-го тома «Литературного наследства» будут огромным подспорьем в работе по изданию собрания сочинений Фета, которое ведется в настоящее время.

В заключение невозможно не обратить внимания на три некролога, которые вошли в состав второй книги — Юлии Павловны Благоволиной (1928—2005), Татьяны Георгиевны Денисман (1921—2011), Лии Михайловны Розенблюм (1922—2011), в свете которых по-другому начинаешь воспринимать и само издание. В одном из некрологов есть фраза: «С уходом старейших работников „Литературного наследства“ (...) закончилась целая эпоха в истории нашего издания» (с. 984), и именно ее хотелось бы продолжить, ответственно заявив, что последняя самоотверженная работа Благоволиной, Денисман, Розенблюм и их коллег, безусловно, положит начало новому этапу в восприятии и изучении творчества гениального русского лирика и мыслителя А. А. Фета.